



«За увечье берут бесчестье»

© О. Д. СУРИКОВА

В статье анализируется многозначное слово *бесчестье*, при этом особое внимание уделяется ныне исчезнувшему его значению «штраф за оскорбление чести»: рассматриваются причины и способ его возникновения в древнерусском языке; устанавливается примерное время появления и исчезновения у лексемы этой правовой семантики. Исследуются особенности функционирования правового термина *бесчестье*, его семантическое развитие в русских говорах.

Ключевые слова: *бесчестье, историческая лексикология, древнерусский язык, терминология русского права, диалектология, семантико-мотивационная реконструкция.*

В современном русском литературном языке слово *бесчестье* обозначает «порушение чести, оскорбление, позор» [1; 2; 3] и в этом значении восходит напрямую к др.-рус. *бесчестіе* «отсутствие должного почтения», «бесчестье, оскорбление, обида» [4. Вып. 1], которое заимствовано из ст.-слав. языка. Старославянское *бещѣстіе* «бесчестье, посрамление» [5; 6. Т. 1; 7. Т. 1. Вып. 2], ср. также церковнославянское *безчестіе* «нанесение позора, поношение» [8].

Но семантическая палитра *бесчестья* не всегда ограничивалась привычной нам морально-этической сферой; это слово называло также явления из неожиданной, на сегодняшний взгляд, области – финансово-юридической. Примерно до второй половины – конца XIX века лексема *бесчестье* имела статус правового термина и обозначала «денежную пеню, взыскиваемую за причинение бесчестья, позора, обиды» [9. Т. I. Ч. 1] (ср. дефиницию в «Большом академическом словаре русского язы-

ка», первый том которого увидел свет в 1950 г.: *бесчѣстье* (устар.) «денежное вознаграждение за обиду чиновного лица, которое обиженный мог взыскивать со своего обидчика по старому русскому законодательству» [1]). Это значение возникло на базе метонимического переноса «оскорбление чести» → «наказание за оскорбление чести», а термин, которому оно присуще, появился в юридических и деловых текстах, по меньшей мере, с конца XIV века. Для подтверждения приведем пример из Двинской уставной грамоты 1397 года (которая считается старейшим после «Русской Правды» законодательным памятником): «А кто кого излает боярина или до крови ударит, или на нем синевы будут, и наместницы судят ему по его отечеству *безчестие*, тако же и слuze» [10. Т. I].

Причины закрепления за словом *бесчестье* правовой семантики (т.е. корни потребности в номинации такого вида наказания, как штраф за оскорбление) широко известны: это существовавшая в феодальном обществе иерархия чести и необходимость ее сохранить. Поэтому в русском законодательстве четко различалось нанесение реального, фактического ущерба – и ущерба «знакового» (термин Ю.М. Лотмана) – оскорбления чести [см. об этом 11. Т. 3. С. 111–120; 12. С. 27–28]. Для того и другого вида преступлений требовались кодифицированные, устойчивые наименования. Так, наряду с *бесчестьем*, и тоже на основании метонимического переноса, возник термин, называющий «штраф за телесные повреждения» – *увечье*: «*Пеня за увечье*, за побои, за причиненя кому увечья» [9. Т. IV].

Симптоматично, что, несмотря на разработанность системы наказаний за нанесение «знакового» ущерба, в «Русской Правде», в ранней (краткой) редакции этого памятника (≈ 1014–1054 гг.) нет термина для обозначения оскорбления чести. Церковнославянское по происхождению слово *бесчестье* возникает в более поздних текстах и является заимствованием из терминосистемы византийского права, удачно заполнившим лакуну в терминологическом аппарате русского законодательства (о дуализме в сфере права – существовании русских и церковнославянских (византийских) правовых норм и, соответственно, двух систем юридической терминологии [См., например, 13]. *Увечье* в терминологическом, «финансово-юридическом», смысле, судя по данным [5; 6; 10; 8], в текстах X–XIV веков не употреблялось. Оно появилось позже, например: «Велите государи на него Кузму с сыном в том моем *увечье* и в *бесчестье* и в грабежу дать свой царский суд» (1686) [14. 346].

Содержание юридического понятия «оскорбление чести» и, соответственно, условия взыскания *бесчестья* демонстрируют, например, следующие фрагменты из памятников письменности: «А хто виноватой солжет на боярина... а сыщут, что солгал, и того жалобника повинити, *безчестие* на нем взяти, да бити его кнутом» (1589); «Да на нем же велети тому, кого он рукою ударит, или словом обезчестит, доправити *без-*

честие и грабеж вдвое» (1649) [15. Вып. 1]; «А будет такой бесчинник кого нибуди в церкви божиин ударит, а не ранит, и его за такое бесчиние бити батоги, да не нем же взяти тому, кого он ударит *бесчестие*» (1649) [4. Вып. 1]; «Ежели что ваши у нас или наши у вас что покрадут то платит[ъ] вдесетеро *безчестия*» (1730) [16] и т.д.

Термин *бесчестье* получил, по всей видимости, сравнительно широкое распространение в общенародном языке (преимущественно в деловом и правовом дискурсах). Об этом свидетельствует факт его проникновения в фольклор (например, пословица *В бесчестье не деньги, в потраве не хлеб* [17. Ч. 1]) и художественную литературу. *Бесчестье* в «правовом» смысле употреблялось Д.И. Фонвизиным, Н.И. Новиковым, А.П. Сумароковым, И.И. Лажечниковым, П.А. Вяземским и другими авторами XVIII–XIX веков: «Вместо того объявляют ему, что боярин Мамон, по воле Ивана Васильевича, принес ему сто рублей *бесчестья* и пришел земно бить челом» (И.И. Лажечников. Басурман); «Знатно быть благородным: квартальный и сам частный прищандорить не моги, а с купцов дери *бесчестья*» (И. Т. Кокорев. Сибирка) [18]. Одно из последних упоминаний этого слова датируется, по данным НКРЯ, 1868 годом: «Ты только того, смотри, – внушал ему Термосёсов, выпроводив его за двери, – ты лупи *бесчестья* рублей триста» (Н.С. Лесков. Божедомы).

Бытование *бесчестья* в текстах имеет некоторые особенности, связанные, с одной стороны, с устойчивой сочетаемостью этого слова, а с другой – с его многозначностью. Так, частым контекстным партнером *бесчестья* становится термин *увечье*, например, в исторической песне XVI века: «Ой, вы гой еси, бурмистры-целовальнички! Заплатите доброму молодцу за *увечице*, заплатите за *бесчестьице*, и отдайте доброму молодцу сорок тысяч рублей» [15. Вып. 1] или в отрывке из делового акта XVII века (перм.): «Искал судом я сирота ваш Гришка на Кунгуре в приказной избе на нем Максиме *увечья* и *бесчестья* своего» [14]. Законодательная традиция противопоставления *бесчестья* и *увечья* как компенсации за разные виды проступков находит отражение в пословице *Увечье – не бесчестье* [17. Ч. 1] и художественных текстах, например, отрывок из «Бригадира» Д.И. Фонвизина: «Брат, с Иваном-то я разделяюсь; а тебе, я вижу, и на меня тоже челобитную подавать приходит, только не в *бесчестье*, а в *увечье*» [18].

Многозначность лексем *бесчестье* и *увечье* (возможность называть ими причину судебного взыскания и его следствие) становится поводом для языковой игры или причиной возникновения смысловых ошибок, как в пословице *За увечье берут бесчестье* [17. Ч. 2]. Особенно плодотворна в этом отношении многозначность *бесчестья* – правового термина и общенародной лексемы, значения которых располагаются в двух далеко отстоящих сферах – финансово-юридической и этической. При их текстовом соположении получается эффектное жонглирование

смыслами: «Он меня *обесчестил*; а сколько мне *бесчестья* положено по указам, об этом я ведаю» (Д.И. Фонвизин. Бригадир); «Есть и такие умники, которые проповедывают, что *бесчестье* брать *бесчестно*: но пусть они скажут мне, что *почтеннее*, *честь* или *деньги*?» (Н.И. Новиков. Живописец) [18] и под.

Однако многозначность *бесчестья*, перспективная в художественном тексте, для юридического языка составляла проблему. В случаях, когда для разведения омонимов (а следовательно, непротиворечивого прочтения законодательного акта) синтаксических средств недостаточно, приходилось привлекать возможности словообразования. Так появилась следующая формулировка (XVII в.): «А кто девку разлит насилством... и за то насилство казнить его смертною казнию да из прожитков живота его взять *безчестия* девке, смотря по *безчеству* ея» [4. Вып. 1], где *безчество* – «бесчестие, оскорбление, обида», а *безчестие* – «штраф за оскорбление».

Поскольку сфера правовых отношений затрагивала все слои русского общества, в том числе и деревенских жителей, юридический термин *бесчестье* оказался освоеным говорами. Правда, не в прямом финансово-юридическом значении «денежная пеня за нанесение обиды», а в трансформированном, относящемся к более универсальной, бытовой, области товарно-денежных отношений значении «цена», например: калужское (1848), вятское (1903), нижегородское, ярославское, енисейское *бесчѣстье* «цена» – «Что бесчестья за кафтан?»; «Почем бесчестье – какая цена?»; «А какое будет бесчестье этому самовару?» [19. Вып. 2], а также пословица (без указ. м.) *Дорого – не купи, бесчестья не клади!* [17. Ч. 2]. В диалектных источниках дефиниция может расширяться, включая указание на объект купли-продажи (в том числе символической): *бесчѣстье* вологодское «цена за продаваемое животное» – «Много ли же станешь просить бесчестья-то?» [20]; вятское (1903) «плата за невесту» – «Сколько бесчестья-то заплатил?» [19. Вып. 2].

Появление последнего значения – «плата за невесту» (ср. здесь еще ворон. (1893) *бесчѣстье* «венчанье?» – «Сколько ты, батюшка, возьмешь с мене за это бесчестье?» [Там же]) – представляется неслучайным. Возможность назвать словом *бесчестье* элемент свадебного обряда связана, видимо, не только со способностью конкретизации общей семантики «цена» в ту или иную сторону, но и с активностью дериватов основы *честь* в традиционном свадебном лексиконе. *Честь* в словаре свадьбы представлена и как «девичья честь» – «девственность» (ср. казан. *честь* «рубашка невесты со следами крови, которую она передает свекрови в виде доказательства своей девственности» [21. С. 47], ленинградское *на честь* (*пойти, поехать*) «в свадебном обряде: о ритуале, показывающем целомудрие невесты» [22. Вып. 6]) и как «почитание», «уважение»

(*почётъе, почёсье* тверское «прием молодоженов (с угощением) в доме родителей невесты перед масленицей», пермское «приезд молодоженов после тайного венчания в дом родителей с извинениями» [19. Вып. 31]; ленинградское *честиться* «в свадебном обряде: гостить по очереди в семье жениха и в семье невесты» [Там же. Вып. 6], архангельское *чещане* «гости на свадьбе» [21. С. 47] и др.); как «предметные знаки уважения» – «дары, угощение» (ярославское *честь* «угощение на следующее утро после свадьбы» [Там же. С. 48]; пермское, прикамское *пóчесть* «дары, подношения участникам свадьбы» [19. Вып. 31], архангельское *честной* «подарки невесте и жениху» [Там же. Вып. 6] и проч.); а затем – «вообще материальные ценности» – вологодское *честь* «приданое» [23. Вып. 1], калужское *почестные* «лица, перевозящие приданое» [24. С. 330].

Характерно, что «материальное» значение *чести* присуще этому слову в старославянском языке (Ср. *чьсть* ст.-слав. «награда, отличие, дар», *бес чьсти* «поп donatus» – «всем же дары даехе. еденого же тьче оставише бечьсти» [6. Т. 4], *чѣстный* церковнославянское «драгоценный» – «Винец от камене честна» [8. Т. 3]). О тесной связи понятия «честь» с материальными ценностями вообще и вознаграждением в частности в феодальном русском обществе писал Ю.М. Лотман [11. С. 113–115]. Интересны также наблюдения Н.А. Мещерского и П.С. Стефановича над особенностями перевода греческих слов *τιμή* «честь», *ῥεραζ* «награда» и *δόσις* «пожалование» – все они передавались в древнерусских текстах с помощью лексемы *честь* [11. С. 114; 25], и позже, по наблюдению С.М. Толстой, ставшее маргинальным, сохраняется именно в языке свадьбы [26. С. 12–13].

Это «консервирование» старого «материального» значения связано, безусловно, с принципиальной ролью предметных знаков уважения и почитания, и вообще, гостеприимства в ходе свадебного ритуала [21]. Однако были еще *честные* без указания места «гостинец, принос, подарок» [9. Т. IV]; *чѣстно* вологодское «очень хорошо, шикарно» [23. Вып. 1]. Сила притяжения к дериватам *чести*, представленным в лексике свадебного обряда, в особенности к тем, которые имеют «материальную» семантику, становилась, вероятно, причиной развития у слова *бесчестье* значения «плата за невесту».

В заключение упомянем интересный факт. Диалектная лексема *бесчесте* «цена», функционирующая независимо от слова *бесчестье* «штраф за оскорбление чести», исчезла из употребления, по всей вероятности, в то же время, что и правовой термин. Приведенные [19] контексты датированы 1848 годом (калуж.), 1893 годом (ворон.) и 1903 годом (вят.) [9. Вып. 2]; вологодское *бесчестье* записано П.А. Дилакторским не позднее 1902 года (когда появился «Словарь областного вологодского наречия») [20]. В диалектных источниках, материал для которых соби-

рался позднее (пусть на тех же территориях), *бесчестье* в «финансовом» значении отсутствует. Можно предположить, что уже к первой половине XX века русские говоры, как и общенародный язык, сохранили только «этическую» семантику этого слова.

Литература

1. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
2. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007.
3. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975.
5. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
6. Словарь старославянского языка. Репринтное издание. СПб., 2006. Т. 1–4.
7. Этимологический словарь русского языка / Под ред. и рук. Н.М. Шанского. М., 1963.
8. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1847.
9. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1989.
10. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912.
11. *Лотман Ю.М.* Об оппозиции «честь» – «слава» в светских текстах Киевского периода // Избр. статьи. В 3 т. Таллин, 1993. Т. 3. С. 111–120.
12. *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
13. *Живов В.М.* История русского права как лингвосемиотическая проблема // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 187–291.
14. *Полякова Е.Н.* Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века. Пермь, 1993.
15. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII. СПб., 2004. Вып. 1.
16. *Майоров А.П.* Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2011.
17. Пословицы русского народа / Сб. В. Даля. СПб. – М., 1879.
18. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/>
19. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965.

-
20. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006.
 21. *Кабакова Г.И.* Концепт ЧЕСТИ в ритуале гостеприимства // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury*. Lublin, 2013. № 25. S. 39–51.
 22. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
 23. Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.
 24. *Гура А.В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012.
 25. *Стефанович П.С.* «Честь» и «слава» на Руси в X – начале XIII в.: терминологический анализ // *Мир истории*. 2003. № 2.
 26. *Толстая С.М.* Русская ЧЕСТЬ и польский HONOR // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury*. Lublin, 2013. № 25.

*Уральский федеральный
университет им. Б.Н. Ельцина
Екатеринбург*